

УДК 342

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

А. В. КЛЕБАНОВ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)

В статье исследуется правовой статус цифровой личности в условиях развития глобальной информационной среды. Рассматриваются основные структурные элементы цифровой личности – цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след с позиции их правовой защиты. Особое внимание уделено анализу прав, возникающих у цифровой личности, включая право на доступ, исправление и удаление персональных данных, «право на забвение», а также гарантии, связанные с защитой чести, достоинства и частной жизни в сети Интернет. На основе опыта международного, регионального и национального регулирования рассматриваются механизмы закрепления и реализации данных прав, а также проблемы их практического обеспечения в условиях развития цифровых технологий.

Юридическая наука в наше время сталкивается с необходимостью переосмысления традиционных правовых категорий под влиянием процесса цифровизации. Одним из наиболее дискуссионных правовых феноменов становится цифровая личность, понимаемая как комплексный конструкт, представляющий собой совокупность данных личности, формируемых субъектом в сети Интернет. Вопрос о том, какими правами обладает цифровая личность, тесно связан как с международным закреплением базовых гарантий прав человека в цифровой среде, так и с региональными и национальными механизмами их конкретизации.

В первую очередь, определяя цифровую личность через её структурные элементы, стоит выделить: цифровой профиль (формализованные персональные данные), цифровой образ (самопрезентация субъекта в социальных сетях и онлайн-коммуникации) и цифровой след (активные и пассивные данные о деятельности человека в сети) [1]. Каждый из этих элементов порождает самостоятельный круг прав, признание и закрепление которых происходит на разных уровнях правовых систем: от универсальных международных и региональных нормативных правовых актов, до конкретных национальных.

Цифровой профиль – это систематизированные данные, собранные в информационных хранилищах государственных и частных структур. Международное право закрепляет фундаментальные гарантии в отношении цифрового профиля. Так, в Конвенции Совета Европы 1981 года о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Конвенция 108) было закреплено право субъекта знать о существовании файла персональных данных, право на доступ к нему, на исправление и удаление информации [2]. Принятый в 2018 году Протокол к Конвенции адаптировал данные нормы к эпохе глобализации потоков цифровых данных (метаданных). Ещё более значимым событием стало принятие Общего регламента ЕС о защите данных (далее – GDPR), который закрепил право на переносимость данных, расширил «право на забвение» и установил принцип прозрачности и минимизации при обработке персональных данных [3].

Своё дальнейшее закрепление данные права получают на уровне национальных правовых систем. Например, во Франции «право на забвение» (*droit à l'oubli*) позволило гражданам требовать удаления устаревших или компрометирующих их сведений [4], что было подтверждено Европейским судом в деле *Google Spain v. AEPD* (2014). В Германии же ещё с 1983 года закреплено право на информационное самоопределение, признающее за субъектом возможность самостоятельно решать, какие его персональные данные подлежат обработке [5]. В Российской Федерации закон «О персональных данных» (2006) закрепил право на доступ, исправление, блокировку и уничтожение данных при их незаконной обработке [6]. Аналогичные гарантии ввёл и бразильский LGPD (2018/2020), закрепивший права на подтверждение обработки, исправление, удаление и переносимость персональных данных [7].

Таким образом, в рамках цифрового профиля основной блок прав включает в первую очередь контроль пользователем обработки своих данных, возможность их исправления и удаления, а также предотвращение несанкционированного доступа к ним. В основе реализации данного блока прав лежит право на информированное согласие, определяющее стартовые условия обработки данных субъекта. Далее вступают в силу иные правовые механизмы, обеспечивающие постоянный мониторинг за информацией и её управление: право на доступ к своим данным, право на исправление неточной информации и право на удаление информации. Всё это подкрепляется ограничениями обработки и право на запрет несанкционированного доступа к данным, выступая в роли юридических барьеров против незаконного доступа как со стороны компаний, так и третьих лиц.

Цифровой образ представляет собой форму самопрезентации пользователя в сети – от страницы на социальной платформе, до публичных высказываний и комментариев. В международном праве в отношении цифрового образа закрепляется принцип о его неприкосновенности: так, в резолюции Совета ООН

по правам человека A/HRC/RES/20/8 (2012) закреплено, что все права человека, действующие офлайн-среде, сохраняют силу и в цифровой среде [8]. Из этого положения логически вытекает ряд конкретных субъективных прав, обеспечивающих автономию личности в цифровом пространстве: право на формирование и сохранение собственного имиджа, защиту репутации от злоупотреблений, умышленных искажений и несанкционированного использования. Таким образом, цифровой образ перестает рассматриваться как набор публичных данных. Он признается правовым продолжением личности, гарантируя ей цифровой суверенитет над собственной идентичностью и её публичным представлением в сети Интернет.

Зарубежное правовое регулирование частично регламентирует такие права. Так, в GDPR закреплено требование законного и осознанного согласия пользователя на обработку своих персональных данных, включая изображения и профили пользователя. В российской судебной практике защита цифрового образа осуществляется через иски о диффамации в Интернете и последующим удалением клеветнических публикаций, запрета на использование фотографий пользователя без его согласия. В французском законодательстве подобная защита выражается в праве требовать удаления материалов, нарушающих честь и достоинство. Цифровая личность, таким образом, получает гарантии на свободное выражение и одновременно на охрану репутации и имиджа от посягательств третьих лиц.

Цифровой след как составная часть цифровой личности охватывает как осознанно оставляемые пользователем данные (аккаунты, переписки, комментарии), так и непроизвольные технические метаданные (IP-адреса, время и места входа, маршруты передвижений и т.д.). Особая ценность данных заключается в их способности раскрывать поведение и социальные связи человека, формируя определённый массив информации о нём, что является определённым источником правового риска.

Ввиду этого, в международном праве был принят ряд правовых актов. К примеру, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/167 (2013) и A/RES/69/166 (2014) напрямую указывают на необходимость защиты права на неприкосновенность частной жизни даже в отношении цифровых данных, поскольку их анализ способен привести к раскрытию информации о личности [8; 9]. В свою очередь, на региональном уровне GDPR закрепил право на ограничение обработки, право на обезличивание данных, а также право на объяснение автоматизированных решений, затрагивающих субъектов.

На уровне национального зарубежного законодательства можно привести пример Калифорнийского закона California Eraser Law 2015, который предоставляет несовершеннолетним право требовать удаления ими же опубликованного контента [10]. В Российской Федерации аналогичные гарантии закреплены в законах, регулирующие персональные данные субъектов и судебной практике, где всё чаще рассматриваются дела о незаконном сборе или публикации информации, содержащей цифровой след пользователей.

Нормативные акты, приведённые выше, наглядно демонстрируют, что правовое реагирование на вызовы, связанные с цифровым следом, носит пока фрагментарный характер. Законодатель чаще действует постфактум, устраняя уже очевидные пробелы, такие как защита уязвимых категорий пользователей или противодействие явно незаконным действиям. Однако эта точечная работа не решает более фундаментальных проблем, порождаемых самой комплексной природой цифровой личности. Таким образом, её составная структура является одновременно как объектом защиты, так и источником правовых рисков, что ставит перед потенциальным законодателем проблему нахождения баланса между правом человека на конфиденциальность информации и безопасности общества, что, в свою очередь, усугубляется интересом частных компаний к персональным данным личности. Также среди ключевых проблем, затрагивающих данный конструкт можно выделить следующее: определение момента возникновения и прекращения правоспособности цифровой личности, определение ответственности за совершаемые ею действия и защита от несанкционированного вмешательства третьих лиц. В связи с этим всё более актуальным становится разработка специализированного законодательства, регулирующего права цифровой личности и устанавливающего чёткие временные границы её правоспособности.

Таким образом, правовой статус цифровой личности (сквозь призму ее структурных элементов) фрагментарно находит свое отражение на уровне международного, регионального и национального законодательства. Так, в рамках цифрового профиля закрепляется право на контроль над персональными данными и их удаление; в отношении цифрового образа действуют гарантии свободы выражения и защиты репутации; в отношении цифрового следа признаётся право на приватность, ограничение обработки и объяснение принимаемых в отношении данных алгоритмических решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, О. А., Степанов, М. М. Правовое регулирование генезиса цифровой личности [Электронный ресурс] / О. А. Степанов, М. М. Степанов // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия. – 2022. – С. 19–32.
2. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data. ETS No. 108. – Council of Europe, 1981.

3. Общий регламент по защите данных (GDPR) [Электронный ресурс]: Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном обращении таких данных. – Режим доступа: <https://gdpr-text.com/ru/>. – Дата обращения: 23.09.2025.
4. Loi Informatique et Libertés [Электронный ресурс]: Code de la législation française sur l'informatique, les fichiers et les libertés. – CNIL. – URL: <https://www.cnil.fr/fr/la-loi-informatique-et-libertes> – Дата обращения: 23.09.2025.
5. Bundesverfassungsgericht. Volkszählungsurteil vom 15. Dezember 1983 – BVerfGE 65, 1 [Электронный ресурс]. – Karlsruhe, 1983. – URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1983/12/-rs19831215_1bvr020983.htm. – Дата доступа: 28.03.2025. О персональных данных [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г.: в ред. ФЗ от 08.08.2024 N 233-ФЗ // М. – КонсультантПлюс, 2025. – Дата обращения: 23.09.2025.
6. Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais (LGPD) – Lei No 13.709, de 14 de agosto de 2018. – Diário Oficial da União, 2018.
7. UN Human Rights Council. The promotion, protection and enjoyment of human rights on the Internet: Resolution A/HRC/RES/20/8. – United Nations, 2012. – URL: <https://undocs.org/A/HRC/RES/20/8>. – Дата обращения: 23.09.2025.
8. UN General Assembly. Resolution A/RES/68/167. The right to privacy in the digital age. – United Nations, 2013. – URL: <https://undocs.org/A/RES/68/167>. – Дата обращения: 23.09.2025.
9. UN General Assembly. The right to privacy in the digital age: Resolution A/RES/69/166. – United Nations, 18 December 2014. – URL: <https://undocs.org/A/RES/69/166>. – Дата обращения: 23.09.2025.
10. California Eraser Law [Электронный ресурс]. – California Senate Bill No. 568. – URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=201320140SB568. – Дата обращения: 23.09.2025.